Майор полиции Михаил Глоткин – мужчина с тонкими гармоничными чертами лица и усами типа карандаш – энергично постучался в облицованную дубовым шпоном дверь и приотворил её. За нею находился кабинет заместителя начальника областного УВД – он же начальник Управления кадров.

– Разрешите, товарищ генерал? Секретарь передала, что вы вызываете...

– А-а, это ты, – оторвался от чтения очередного документа восседавший за обширным двухтумбовым столом генерал-майор полиции Тертерян – упитанный, с узким лбом под низкой линией густых, слегка вьющихся волос и с миндалевидными карими глазами. – Заходи, присаживайся.

– Есть... – Михаил подошел к приставному столику, образовывавшему вкупе с двухтумбовиком букву «т», и опустился на мягкий стул. – Слушаю вас.

– И внимательно! – уточнил Тертерян. – Я тебя зачем вызвал: прочел, значит, твой отчет о привлечении населения к охране общественного порядка и глазам не поверил. Объясни: тебя сюда, в УВД, для чего брали? Классный специалист, классный специалист... А на деле? Да за что я тебе деньги плачу? Я твою работу делаю! Что у меня, своих проблем мало, еще и за тобой хвосты заносить! Как же! – И негодующе хмыкнул, наморщив удлиненный, с горбинкой нос.

В штат областной полиции майор был зачислен три месяца назад, а до того немало лет прослужил корреспондентом окружной газеты. Начинал же лейтенантом, командиром взвода в учебном полку. Но, окончив потом заочно факультет прозы Литературного института – случай для профессионального военного, прямо скажем, редчайший, – был переведен в армейское издание, резко сменив профиль строевого офицера на стезю штатного военного корреспондента.

Им и отработал почти десять лет, впрочем, из-за ершистости

характера так и не поднявшись карьерно хотя бы до начальника отдела газеты.

И тут наступил год 2010-й, когда решением на высшем уровне с военных журналистов, врачей и юристов сняли погоны, сделав эти должности гражданскими. На тот момент майору Глоткину еще не исполнилось сорока лет, и права на пенсию (при минимуме двадцати прослуженных «календарей») он заработать не успел. С переводом к новому месту службы тоже не срослось. Так что система безжалостно выкинула человека в безденежную отставку. Ладно хоть, уже с жилплощадью...

Промыкавшись с год, то сторожем, то грузчиком, отставник сумел-таки пробиться в кадры областной полиции. Да, там имелась собственная пресс-служба, однако вакансии в ней тогда отсутствовали, а вот в отделе воспитательной работы (ОВР) как раз освободилось место старшего инспектора.

Обязанностей здесь офицеру вменили немало: написание приветственных адресов и проектов различных приказов, проведение служебных расследований и взаимодействие с ветеранами УВД, организация всяческих праздников, конкурсов, встреч и – се ля ви – похорон. А еще ему надлежало исполнять функции спичрайтера – составителя текстов речей и выступлений для руководства УВД. Подобрать для подобной работы конкретного исполнителя оказалось проблематично, так что кандидатура опытного журналиста, еще и побывавшего в «горячих точках», пришлась весьма кстати – он новую для себя полицейскую тематику добросовестно осваивал. И сейчас откровенно не понимал причины столь явного недовольства большого начальника.

– Так в чем, собственно, проблема? – осторожно уточнил Михаил.

– Да в том самом! Чти: ты как здесь написал? «По инициативе генерала Тертеряна...» Эрудит! Уж тебе-то по долгу службы пора бы знать: моя фамилия не склоняется! Вот!

– Извините, товарищ генерал, – негромко, но твердо возразил майор. – По закону русской грамматики она склоняется, как и всякая иная мужская, оканчивающаяся на согласную. Это женские фамилии такого рода не склоняются.

– Что ты мне тут сказки рассказываешь! – не поверил генерал. – При чем здесь русская грамматика, если у меня армянская фамилия? Ну?

– Языковое происхождение в данном случае значения не имеет, – твердо стоял на своем Глоткин. – Правил, что подобные армянские или еще какой-то национальности фамилии не склоняются вовсе, не существует. Нет, конечно, может быть, в вашем родном языке в этом плане всё обстоит по-иному. Но совершенно точно знаю, что в русском фамилия, равно как и любое другое слово, должна подчиняться грамматическим законам.

– Грамматик какой, однако! – буркнул Тертерян. – Читать-писать умеет! – Пожевал губами и поинтересовался: – А ты вообще-то откуда всё это знаешь?

– Так меня ведь русскому языку в Литинституте лучшие профессора учили...

– Что, умный чересчур или как? – подковыристо вопросил генерал и подытожил: – Ну и иди тогда отсюда! Специалист, понимаешь, нашелся! Ага!

Майор полиции выдавил: «Есть!» – и удалился, унося в душе обиду.

Недели через две он вновь предстал перед генеральскими очами.

– Вот ты тут написал «согласно приказу», а надо «согласно приказа», – даже не поздоровавшись, с места в карьер, напористо обвинил подчиненного Тертерян, и его рот с тонкими губами искривился насмешкой. – Лучшие профессора его учили! Да за что я тебе деньги плачу?

– Товарищ генерал, предлог «согласно» употребляется только с дательным падежом, отвечая на вопрос «кому-чему», а значит, «приказу». И еще есть вариант: предлог «согласно с» – тогда «чем», творительный падеж, «приказом». Но ни в коем случае не с родительным – «чего», «приказа», – пояснил Глоткин.

– Этого не может быть! – рявкнул генерал и раздраженно бухнул кулаком по столу. – Ты вот меня так убеди, чтобы я поверил! Доказательство представь! А?

– Так точно. Сейчас. – И Михаил шагнул к двери.

– Ты куда это собрался?

– За доказательством.

– Не понял...

– Ну... Вы же требуете вас конкретикой убедить, так я сейчас, быстро...

Глоткин принес Тертеряну «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, открыл на нужной странице, авторучкой указал на ней место:

– Товарищ генерал, прочтите. О предлоге «согласно». Тут совсем немного.

Тертерян с явной неохотой нацепил очки и уткнулся в текст, осмысливая его. Убедившись наконец в правоте подчиненного, в раздумье забарабанил короткими пальцами по столу. Но вот лицо начальника исказилось в гневе, крупные уши с четко очерченными мочками быстротечно порозовели, и он повысил голос:

– То есть ты хочешь сказать, будто я целых двадцать пять лет прослужил и всё это время неправильно писал? Милое дело!

– Товарищ генерал, но вот же перед вами словарь...

– Хрена ты мне им тычешь? Умник нашелся, ё-пэ-рэ-сэ-тэ! Литераторный он окончил! Да пошшел ты вместе с этим талмудом знаешь куда? – И генерал негодующе смахнул большеформатную книгу со стола. – Интеллектуал, твою дивизию! Кулибин! Не голова, а Дом Советов! Ага!

– За что же вы меня так нещадно? – поднял Михаил неповинного Ожегова с подломанным уголком обложки. – И при чем тут книга?

– А за то самое, что нечего свою большемозгость перед начальством выпячивать! Иди, и чтоб больше не сметь тут всякими энциклопедиями козырять!

С того дня меж писучим подчиненным, которому до права выхода на «пенсион» оставалось прослужить около двух с половиной лет, и энергичным амбициозным начальником стартовала своего рода игра в одни ворота. Было понятно, что гонористый руководитель загорелся идеей фикс: поймать строптивца хоть на какой-то некомпетентности по части знания русского языка. Посему время от времени генерал требовал майора к себе «на ковер» и задавал очередной каверзный «языковой» вопрос, на который сам уже ответ ранее вызнал.

Так, однажды Тертерян заставил Глоткина под диктовку писать слова «постимпрессионизм» и «предымпрессионизм», а потом натужно выяснял, почему в одном случае после приставки стоит «и», а в другом «ы», и затем – как это всё соотнести с не укладывающимися в правило глаголом «взимать» и существительным «пединститут»[1].

В другой раз генерал проверил майора, хорошо ли он знает, в каких случаях «не» с глаголами пишется слитно, а в каких – раздельно. Да с примерами чтобы.

А в один прекрасный день потребовал разъяснить, почему к группе прилагательных-исключений, пишущихся с удвоенным «н» в суффиксе «ян» – «оловянный, деревянный, стеклянный», – не добавляется еще слово «окаянный». И был весьма недоволен, что подчиненный оказался в курсе: поскольку оно образовано вовсе не от имени существительного, обозначающего материал (как три упомянутых, составляющих группу исключений), но происходит от глагола «окаять» – то есть отлучить от церкви, являясь однокоренным с «каяться».

Начальник ОВР подполковник полиции Попенко, в непосредственном подчинении которого находился Михаил, неоднократно пенял тому:

– И кто тебя изначально просил вылезать со своим длинным языком? Ну заявил генерал, что его фамилия не склоняется, – есть, виноват, исправлюсь! Ну уперся, что «согласно приказа» правильнее – ладно, так точно, зафиксировал! Спасибо за науку! Самого же его чему-то пытаться научить... Хронически противопоказано! Он себя всегда и во всем полагает величайшим экспертом. Да, завышенная самооценка, да, порой несет ахинею, но что тут поделаешь – генерал!

– Но он же требует нарушения грамматических норм! – возмущался Михаил.

– А кому с того холодно или жарко? Думаешь, во всех учреждениях великие знатоки русского языка сидят? Другой раз в адресованном нам документе такое читаешь – просто диву даешься! Грамотность ниже уровня первоклашек!

– И еще бранится всякий раз, причем чем дальше, тем хлеще! – продолжал досадовать Глоткин.

– Ха! Удивил! Да ты с ним куда реже общаешься, а вот меня или зама он за день трижды на три буквы послать может! Но ведь мы же терпим, что и тебе настоятельно советую. Потому как, в конце-то концов, на деле никто никуда вовсе не идет. Забудь! Без мата жить нельзя на свете, нет... Или, может, когда взводом командовал, всегда чисто на «вы» с солдатами изъяснялся? Убей – не поверю!

– Ну, знаете... Это ж совсем другой коленкор!

– Другой, не другой... Пойми, правдолюбивая твоя душа, нельзя в жизни быть тупо прямолинейным! Иногда для пользы общего дела, а главное, и для себя самого кое-чем поступиться не грех.

---

[1] *После русскоязычных приставок, оканчивающихся на согласную, вместо «и» пишется – как слышится – буква «ы» (история – предыстория), но в случаях иноязычных приставок «и» на письме сохраняется (игра – контригра). Глагол взимать – исключение. На сложносокращенные слова типа «пединститут», «спортинвентарь», это правило не распространяется.*

– Смотря когда и смотря чем именно.

– Спасибо, что хоть с этим согласился. А то прямо как сталинский министр иностранных дел Молотов, которого в дипломатических кругах за непримиримую позицию, демонстрируемую по многим вопросам, прозвали Господин Нет...

Наконец регулярно экзаменуемый генералом старший инспектор дослужил до двадцати исполнившихся «календарей». И как раз через несколько дней после значимой для Глоткина даты Тертерян вновь выдернул его в свой просторный кабинет, увешанный многочисленными вымпелами и грамотами в рамочках.

– Так, корифей русского языка... Разбери-ка ты мне по составу слово «вынуть», – после традиционного приветствия потребовал руководитель. – Ну-ка?

– Пожалуйста, – вздохнул майор: он интуитивно предугадывал, что сегодня испытание на грамотность грозит закончиться скандалом. Однако не рапортовать же: «Не могу знать!» – Значит, «вы» – приставка, обозначающая действие изнутри наружу, «ну» – суффикс однократности действия, «ть» – окончание инфинитива либо формообразующий суффикс: тут ученые в суждениях расходятся. Корня же в «вынуть», на первый взгляд, вовсе нет, хотя он и имеется. Весьма особое слово...

– То есть? – сделал резкое движение головой в сторону от Глоткина уже потерявший было нить разъяснений экзаменатор, но суть последних предложений уловивший-таки. – Мне доцент из университета именно и объявил: нет вообще! Или, по-иному, – генерал заглянул в подобие шпаргалки, – вот: корень нулевой.

– Да, такое мнение бытует. Если плясать от родственного слова «вынимать», где буква «н» входит в корень «ним», то при образовании от него «вынуть» получается, что суффикс «ну» отсекает весь корень. Это чтобы избежать непонятного удвоения согласного, ведь произносить «выннуть» нам было бы куда менее комфортно. Но поскольку, по нормам русского языка, корень является основным и обязательным элементом любого слова, то... В общем, самое интересное: в глаголе «вынуть» буква «н» одновременно является и корнем, и частью суффикса, а само явление носит название наложения морфем. Иными словами, хотя формально в структуре слова корень не выделишь, в его внутренней форме он присутствует.

– Ты меня совсем запутал! – с ехидцей перебил скрестивший на груди руки и насупившийся генерал. – Так он есть или нет? Будто?

– Ну... Как вы пожелаете, так и считайте, – пожал плечами Михаил, вспомнив советы начальника отдела. И не удержался, зримо чувствуя за спиной свое пенсионное право: – Собственно, для УВД-то разницы никакой...

– А-а-а, ты, значит, утверждаешь, будто я ничего в русском языке не смыслю? – вмиг вспетушился Тертерян, упершись ладонями в подлокотники кресла, и весь посунулся вперед, к оппоненту. – Да за что я тебе деньги плачу?

– Вам виднее, – уклончиво ответил майор. И внезапно закусил удила: – Во всяком случае, уж явно не за то, чтобы морфемный анализ выборочных слов делать. Никак не входит это в мои служебные обязанности. За ради чего же не мытьем, так катаньем вы стремитесь

уличить меня в профнепригодности? Чтобы опустить ниже плинтуса и торжествующе ноги вытереть? И насчет моего денежного довольствия из вашего личного кармана... Однозначно перебор!

– Вон из кабинета! – завопил опешивший поначалу от «бунта гарнира» генерал, и его слегка скошенный в одну сторону рот – признак горячего нрава – хищно приоткрылся, обнажив мелкие зубы. – Завтра же уволю! По негативу! Вот!

Подчиненный поспешно ретировался. И затем весь остаток рабочего дня отрешенно просидел перед включенным компьютером, так и не закончив проекта очередного приказа. В сознании почему-то всплыл факт, что – это Глоткин как сам подметил, так и слыхал от сослуживцев – руководитель-экзаменатор лишь в течение нескольких секунд может смотреться в зеркало. А непереносимость зеркал зачастую указывает на нелады психики – несдержанность, нетерпимость к критике, сверхдотошность и зацикленность на чем-то, подчас на собственной внешности.

Впрочем, старший инспектор знал и другое. Что в конце девяностых – начале двухтысячных Тертерян неоднократно выезжал в «горячие точки» и по итогам таких служебных командировок награжден орденом Мужества, а также медалями «За отвагу» и «За отличие в охране общественного порядка».

И еще. До сих пор в игре в одни ворота майор ни разу не спасовал. Но до бесконечности это продолжаться не могло. Ведь о том же нетривиальном бескорневом случае он лишь мимовольно услыхал в общежитии Литературного института. Позднее же, из любопытства, обратился за более подробным разъяснением этого лексического феномена к лектору, читавшему курс современного русского языка. Потому-то через много лет и смог защититься...

Переболев ангиной, на следующий день на службу вышел начальник ОВР. И после утреннего общения с генералом тут же потребовал к себе Глоткина.

– Ну ты и нагероил! – осуждающе начал подполковник. – Это ж надо было так его раздраконить! Рвет и мечет! Что ж, давай послушаю твою версию...

А послушав, заявил:

– Ты сам во всем виноват! Сколько раз пенял: не возражай, не раздражай, не обостряй! Теперь вот генерал кричит, что тебя уволить надо... Ладно, это, конечно, он перебесится, только не в одночасье. В командировку, что ли, дней на несколько тебя угнать? Хотя к нему же за «добром» на посыл и идти. Зарубит!

– Да я, собственно, против увольнения вовсе не возражаю, – вклинился в монолог начальника Михаил. – Пенсию-то, слава Всевышнему, уже заработал.

– То есть? – аж подавился словами подполковник. – Тебе же еще сорока пяти нет! Если уйдешь, то по денежному минимуму! Других и после «полтинника» пинками на отдых не выгнать, до гробовой доски погонную лямку тянуть готовы!

– Хозяин – барин, а я так не готов... Совсем! Надоели генеральские причуды. Сейчас вот пойду и рапорт на заслуженный отдых накропаю.

– Шутить вздумал? Шантажируешь? Думаешь, все тебе сразу в ножки кинутся? И думать забудь!

– Давайте чистый лист, – усмехнулся Глоткин. – Увидите, шучу или как.

– А работать за тебя кто будет? – почти возопил начальник.

– Скажите, товарищ подполковник, раз уже вы сами завели о том речь, как на ваш взгляд, я хорошо работаю? – поинтересовался Михаил.

– Ущербное какое-то любопытство... Скажем так: нормально. И что с того?

– Поскромничали. Я свой участок с первого дня прихода в УВД грудью закрываю. Вопрос: так вы меня вообще-то выдвигать хотя бы куда-то думаете?

– Об этом не может быть и речи! – едва не подпрыгнул в кресле Попенко. – Генерал давно сказал: ни при каких обстоятельствах тебя с этой должности не перемещать!

– То есть сколько бы и как бы великолепно я ни служил, в карьерном росте мне отказано навсегда? Тогда объясните: чем я отличаюсь от вас и от Тертеряна? Разумею, вам обоим на жизненном пути подобных палок в спицы не вставляли.

– Ну как ты не понимаешь очевидного? – сбавил обороты начальник ОВР. – Специалист ты редкий. А что, собственно, тебя не устраивает? Сиди и работай дальше на прежней должности. Генерал – он отходчивый. Сегодня поорал – завтра забыл. Вон меня и зама он минимум раз в неделю стабильно «увольняет». И ничего, как-то и дальше живем – хлеб жуем.

– Не хочу я «как-то». Да притом эти постоянные экзамены на грамотность меня уже достали. В общем, так: если генерала я на своей должности пока устраиваю, то пусть он хотя бы подполковника присвоит и перестанет по-пустому добадываться. Да – да, нет – нет. И если нет, скатертью мне тогда дорога на «дембель», народное хозяйство подымать.

– С ума сошел... – с сожалением произнес Попенко. – После подобного ультиматума он тебе точно выкинштейн из системы сделает. А ты обо мне подумал? – с обидой продолжил он. – Кого я на твое место так сразу найду?

– Это уже не мои проблемы, – глубоко вздохнув, парировал подчиненный. – И давайте заканчивать дискуссию: у меня куча бумаг на срочном исполнении...

Почти месяц подполковник тянул резину, убеждая Глоткина, что с его «больным» вопросом к Тертеряну следует подходить только в минуту самого его распрекрасного настроения. А ее, мол, еще безошибочно уловить нужно. Но однажды рискнул-таки, задал вопрос о повышении старшего инспектора в звании.

Лучше бы не задавал...

– Генерал заявил, что ты до хренища умный, и потому, пока он в своем кресле сидит, ты хоть до ста лет доживи, всё одно майором будешь ходить. И пусть он принял неправильное решение, пусть от того будет хуже общему делу, пусть небо на землю упадет – и еще много чего было сказано «пусть», – его это не плющит, по фене и до лампады. Концовка, дословно: «Я своих решений не меняю!» И через слово матом орал, – пояснил Попенко. – Ясно теперь, чего ты добился?

– Предельно ясно, – кивнул Михаил. – Ну и я своих решений не меняю!

И пошел писать рапорт на увольнение.